

В. Е. Щербинин

СОНЕТЫ*

Я видел раз разлив Исети:
Прорвав гранитные берега,
Она несла мосты и сети
На потопленные луга.

По историческому скверу
Из Верхисетского пруда
Рассвирепевшая вода
Суда тащила, как фанеру.

И мощный вал вздымался снова,
И грозно пеною бурлил,
И словно щепку разломил
Плотину пруда городского.

Стремясь достичь наук вершины,
Мы также крушим все плотины.

Я знал, женившись на жене,
Что ей придется все изведать:
Готовить завтракать, обедать,
Стирать носки и брюки мне.

* Щербинин В. Е. Сто сонетов. Екатеринбург, 1998.

Я знал, женившись на жене:
Пойдут простынки и пеленки,
Не будут ночью спать ребенки
И ласки требовать оне.

Я знал, женившись на жене:
Хозяйка в доме появилась
И с ним управится вполне.
Я знал – и так оно случилось.

Но я не знал до регистрации,
Что жены медленно
готовят диссертации.

Трактат о счастье. Разве тот
Счастлив, кто одержал победу?
К его победному обеду
Толпа завистников идет.

И побежденный тоже здесь,
Кругом глазами мрачно водит,
С обеда званого уходит,
Чтобы в тиши готовить месть.

И побежденный несчастлив –
Его сегодня победили,
Его обидели, убили,
Всю жизнь его перекосив.

Счастлив лишь тот, у кого нет
Ни поражений, ни побед.

Сквозит осеннее убранство
В залитых золотом лесах,
И растворяется пространство
В твоих божественных глазах.

И снова сам себе не верю,
И удивленье берегу,
И все лечу по параллелям
И пересечься не могу.

И шар земной, за ось закрученный,
Летит со мною заодно,
Как будто свой маршрут заученный
И он забыл давным-давно,

И все души моей излучены
Пронзило терпкое вино.

Я время остро ощущаю –
Не так, как раньше ощущал.
И в будущем – не обещаю
Того, что раньше обещал.

А время крутит круг за кругом,
И стрелки встретились во мне,
И недоволен я досугом
И недосугом – не вполне.

И экономя по минутам,
Я упускаю по летам,
И все мне кажется, как будто
Не то, не так, не та, не там.
О время! Странно и трагично,
Что только ты асимметрично.

Так что такое 40 лет –
Вершина или восхождение?
Триумф восторженных побед
Или начало отступленья?

Так что такое 40 лет –
Цветенье розы наслажденья,
Или убогий и осенний
Чертополоха поздний цвет?

Так что такое 40 лет
В туманном море мироздания –
Иль всеобъемлемость познания,
Иль метеора скромный след?

Я вам скажу в конце сонета:
Конечно, то, и то, и это.

А ты холодная, как лед.
А я устал тебя растаивать,
И пусть опять зима придет,
И перестану я настаивать.

Дыханьем легким растопить
Нельзя громаду льда холодного,
И продолжает айсберг плыть
Внутри течения подводного.

И продолжает айсберг плыть,
Влекомый северным течением,
И продолжает айсберг быть
Грядущим кораблекрушением.

Качает в море ветер цепкий
Мои разрозненные щепки.

Есть женщины в нашей науке –
Научной работой горят.
У них работающие руки
И аналитический взгляд.

Красивы не тонкостью талий,
Не мягкой походкой цариц,
А весом научных регалий,
Объемом печатных страниц.

Такая наукою дышит,
Иного не чая житья.
Я видывал, как она пишет –
Что взмах, то готова статья.

У ней есть к тому же семья,
Но муж, слава богу, не я.

Я так люблю ее походочку,
Когда из кухни навесу
Она несет к столу селедочку
И сыр, и соль, и колбасу.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
Растут деревья макаронные,
Цветет румяное рагу.

И странной близостью закованный
Гляжу в вуали темной грусть
И вижу овощ маринованный,
И пряного посола груздь.

И органы пищеварения
Диктуют мне стихотворение.

Бывал я в Индии не раз
И вывез тьму изделий.
Богат товарами Мадрас,
Трещат базары в Дели.

Я из Кальпакками привез
Павлинье опахало,
А из Агры – столицы грез –
Восторг от Тадж-Махала.
Купил подарки всей родне
Учел все интересы.
А дома требуется мне
Писать статью для прессы.

Название придумал без нажима:
«Плоды колониального режима».

Глядишь – догорает огарок,
И нечего думать о помощи.
Но жизнь преподносит подарок
И веришь опять: поживем еще.

Кажется, все уже выдано.
Сиди, коченей и индевей.
Но жизнь поднесет неожиданность,
И ты отправляешься в Индию.

И в Индию ты отправляешься,
Как будто в цветочную клумбу.
Еще понаудивляешься,
Когда повезет, как Колумбу.

А Индия – думаю я –
У каждого есть. Своя.

А было так: татар отряд
Стоял осадой при Китеже.
И Бату-хан сказал: идите же,
Мои войска, и грабьте град!

Но нет, не принял град татар:
Земля под ним припустилась,
И сверху озеро явилось,
Его назвали Светлояр.

Вода в том озере светла,
Приют спокойствия и ясности.
Но в час тревоги и опасности
Со дна звонят колокола!

Колокола звонят на дне.
Колокола звучат во мне.

Янус Рудольф Иванович*
(1903–1966)

Тут в ИФМ меня дороги
Вдруг привели. Ну, ничего.
Сидел там Янус на пороге –
Он был директором, и. о.

«Останься здесь, – сказал мне Янус, –
На нашем славном поприще».
И я сказал ему: «Останусь
Для пользы дела и вообще».

Мы вместе с Янусом к победе
Прошли, не зная слова «стоп»,
Мы даже на велосипеде
Пристроили дефектоскоп.

Велосипед катил по рельсу,
Ища дефект под стук колес,
И между тем от рейса к рейсу
Все реже падал под откос.

* Щербинин В. Е. Мемуары, или Моя роль в развитии наук и искусств. Екатеринбург, 2001. С. 35, 36.

Мы обнаруживали риску,
Надир, задир, зацеп, наклеп,
И волосовину, и лыску,
И, разумеется, поклеп.

Он говорил: «Наш путь неровен,
Он через тернии лежит,
Зато чем меньше волосовин,
Тем ярче лысина блестит».

А я сказал: «Я не расстанусь
С кудрями, я их отращу!»
Так вот представьте:
Я не Янус,
А тоже лысиной блещу.